

25438

Я Р Ъ

С Т И Х И.

МИХАИЛ АРТАМОНОВ, АЛЕКСАНДР ГЕРМАНОВ,
АНАТОЛИЙ СУББОТИН.

„КОСТЕР“

1920.

ГЕРМАНОВ.

ЖИВОЙ КОСТЕР.

1.

Горим непрерывно в живом костре,
Рождаем в муках новые звуки,
Ог боли мысли стали острее,
Питаются чувства кровавым туком.

Голодные взоры хватают мир
И руки жадно тянутся к жизни.
Идите, люди, на красный пир,
Насытим душу в свободной отчизне.

Мы всех зовем. В жизненном ковше
Так много радости—пей, кто хочет!
Но затаивший ненависть в душе
Пусть напрасно губ не мочит.

Лишь тот, в чьем сердце любовь через
край
Обильно льется горячим потоком,—
Вознесется с нами в обетованный рай
И узрит Красную Звезду Востока.

3.

Идем, сотрясая миров основы,
Сокрытые в кругу седых времен;
Стихийным гулом песен новых
Тревожим вечности безмолвный сон.

Взрываем косности тысячелетние мас-
сивы
Динамитом вспыхнувших страстью
слов.

Мы—красные вестники нового мессии,
Вдохновенные пророки грядущих веков.

За нами алчущие вечного хлеба,
Опаленные неутолимой жажды огнем!
Обновленной жизни лучезарное небо
Мы вам откроем солнечным ключем.

†.

Опаленные любви неугасимым пламенем,
Простираясь над миром из конца в
конец.

Явили людям новое знаменье—
Радугу зажженных восторгом сердец.

Идите к нам. Мы красные вестники
Нового месѣии, грядущего в мир,
Над головами всех—праведных и греш-
ников
Высоко поднимаем солнечный потир.

Вкусите земли пречистой плоти,
Упейтесь радости безгрешным вином,
Горящие сердца в горнем полете
На алтарь бытия молитвенно вознесем.

5.

Из раскрытых настеж человеческих душ
Раскаленной страсти вылетают искры.
Опьяненная дымом кровавых луж,
Мечется мысль в круговороте быстром.

Обнаженных чувств зияющая пасть
Обжигает мозг нестерпимой болью.
Пьем из ковша страданий всласть,
Вонзая в сердце огненные колья.

Закаляем дух в очистительном огне,
Простирая в восторге иступленные руки.
В неслыханном пожаре вспыхнувших
  дней
Бьется человечество в смертельных
  муках.

Все чаянья людские хлынули разом,
Пробив покорности тысячелетнюю
  толщь.
Из свежих ран в жертвенном экстазе
Сочит земля неизсякаемую мощь.

ИЗДЫХАЮЩИИ ЗВЕРЬ.

В раскаленном горне вспыхнувшего
сердца
Сверкает любви расплавленное золото.
Идите, люди, в праздничное одеться,
Довольно слез на земле пролито.

В недрах жизни, выжженных, как
Сахара,
Уже растет новый ствол.
Напрягите силы. Могучим ударом
Вобьем в прошлое забвения кол.

Пусть старый мир—издыхающий зверь
Изрыгает угрозы окровавленной пастью,
Всесильное Время будущего дверь
Откроет перед нами рукою властной.

КРАСНЫЕ КОНИ.

Жертвенной крови горячие струи
Бьют из сердца закланной отчизны.
Красные кони в солнечной сбруе
Мчат человечество к новой жизни.

Люди, омойте слезами восторга
Жертвы неслыханной бездыханное тело.
Долго, долго из сердца не исторгнем
Жгучей болью отравленные стрелы.

Сколько надо пламенной веры,
Чтоб обречь себя на закланье!
О какую, какую мерой
Можно измерить людские страданья?

Много безценных сокровищ незримо
В недрах нашего духа таится.
В гору жизни катится неудержимо
Искупленного человечества победная
колесница.

Коням не страшны дикие кручи,
Грозные скалы жизненных ущелий—
Разум—всевидящий мудрый кучер
Правит уверенно прямо к цели.

АРТАМОНОВ.

В ОГНЕ ПОЖАРОВ.

1.

В небе вспыхнули алые пятна.
Где то горят дома—строенья.
Слышен из поля гул невнятный,
Это отзвук боя—сраженья.

Ветер треплет, срывает яро
В черном небе алое пламя.
Ах зачем, ах зачем пожары
Третий год стоят перед нами?

Третий год кровавые зори
Каждую ночь на небе пылают.
Люди тонут в кровавом море,
Выхода ищут, и где—не знают.

2.

В город иду я тихой тропой,
Гляжу на пожары, горящие вночь.
Чем тебя сердце мое успокою?
В великом смятении душа устала.

Ах, как устала душа, истомилась,
К светлой жизни тихо рвется,
Хоть бы на миг ты, радость, явилась...
Но нет... безвозвратно ушла—не вер-
нется.

Но что это? Крики? Слушаю где-то,
Где-то близко стон оборвался.
Нет, должно быть, почудилось это,
Нет, должно быть, так показалось.

3.

Снова иду я к багряному свету,
В пылающий ад, в город горящий.
Ах, зачем, ах, зачем не сон это,
А самый бой людской настоящей?

Снова стон оборвался рядом.
Белая женщина бежит прямо.
По ей больным, блуждающим взглядам
Я понял, я понял ее драму.

К чему слова? На душе проклятье.
Вся драма ее и так открылась.
Белая женщина в белом платье,
Куда ты прошла? Куда скрылась?

4.

Вот и город, горящий огнями.
Алое пламя кипит, пылая.
Укрылся народ внизу под домами,
Жизнь свою от огня спасая.

А над городом рвутся огни-шрапнели,
Слышен полет разорванной стали.
Неприятель бьет по намеченной цели,
Но города люди не покидали.

И укрылись люди по домам-подвалам,
А город горит, алеет пламя,
В зареве пожара великом, кровавом
Огонь клубится, плывет над домами.

5.

Город горит... А в огне люди,
Горят дома, горят и подвалы.
Гулко дрожит стон орудий,
Грохот огненный, звон металла.

Кругом обгорелые тела нагие
Валяются неубранные на мостовой.
На месте одних людей другие
Разгораются в факел живой.

Люди от боли зубами скрежетали:
Жутко хрястский скрежет зубов.
Отцы детей своих забывали,
Дети забывали своих отцов.

6.

Вот уже пламя пахнуло в лицо мне,
Справа рухнул, сгорающий, дом.
Как живую картину я помню—
Тихую девушку с жутким лицом.

Побежала и крикнула что-то,
И ломала руки она...
Вот за ней запахнулись ворота—
И потом тишина... тишина...

В крике девушки жизнь сказалась.
Не забыть этот огненный крик.
Сердце кровью во мне обливалось.
Я упал. Я на камень поник.

7.

Свистя и шипя, рвутся гранаты,
Разбивают стены, двери, рамы.
От гула дрожат дома—палаты,
От гула рушатся дома, храмы.

Горят и дети и народ старый,
Ломают руки в великой драме...
Ах, зачем, ах, зачем пожары
Третий год стоят перед нами?

Голубая мгла просветлела,
Светозарных ищущих путей.
Нет начала, конца и предела
Неразвешанной грусти моей.

Отдохну на дымящихся росах,
Обойму я душою поля
И опять, опираясь на посох,
Я пойду, бытие восхваляя.

Велики светозарные дали
И дороги-пути далеки.
В них развею мирские печали
И великие зовы тоски.

Опустилась над землею
Белорозовая тьма.
Гаснут в зареве малиновом
Горящие дома.

То поплачу злой обидой.
То на зарева взгляну.
Гром все ухаает да катится,
Срывая тишину.

О полях на сердце дума,
По деревне сладкий сон.
Как от думушки избавиться
Среди чужих сторон?

Все мерещится бывшее,
Трудно явь перенести.
Как от думушки избавиться,
От думушки уйти?

Для чего дома зажжены—
Часто мучит злой вопрос—
Разве мало в мире горя
И невыплаканных слез?

СУББОТИН.

ПЕРЕМЕТ.

В синем пологе красная зыбка,
Ветер баюшки-баю поёт;
В зыбке голубь—играет улыбка,
Из зари, как огонь-перемет.

Разметалася ланью по степи,
Алым маком цветная гряда;
Голубь ждет под воркующий лепет;
Мает степь золотая страда.

Подневоля расковано стремя,
Бубенцы говорят, говорят...
Вкруг ржаные, овсяные стены,
Ячменя белояровый град.

Баю-баюшки, баюшки-баю,
Ветер зыбке молитву кладет;
Синий полог всю степь укачает—
Как огонь золотой перемет.

Растянулись овсяные мари,
Птичий гомон и галочий звон;
За овином в предутренней яри
Видно сосен игольчатый трон.

Слышно шумы незримого Спаса,
Песни зябликов в мокрой траве,
И заря, как огни коностаса,
На широкой горит синеве.

Лес под заревом зорьных пожаров
Собирает толпу лешаков,
У старинного в соснах кургана,
И справляет непетый Покров.

Домовых хмелевая попойка
На соломенном, крытом гумне...
Ну-ка грянь, приударь моя тройка,—
Я поеду на праздник к заре!

Словно ширью-полем размечуся песней,
Обернуся смелым, звонким лешаком;
Буйно тонут звезды в синем манифесте,
В заревом кафтане, с солнцем кушаком.

Пробегуся ветром васильковой нивой,
Обнимуся с ивой на крутом яру;
Запахнусь рябиной, яблоневым тыном,
Ягоды-градины в песни собираю.

Помирюсь и с горем, голодом и нудой,
Укачаю песней серые стога;
Я хмелен весельем—в этом мое чудо—
Радостью мне светит алая звезда.

Я хмелен свободой, голубым простором,
Для меня не надо нуды черных слез;
В поле, в звонах сосен, я живу с за-
дором,
И пою с задором краснопевный гость.

Я хотел бы стоять при дороге
И указывать путникам путь;
Я хотел бы быть первым прохожим, —
В темной роще, в соснах утонуть.

Чтобы волосы взбухли смолою,
Чтобы в сердце янтарь закипел;
Я хотел бы с холщевой сумою
Обойти миллион деревень.

Постучать под окошком на свадьбу,
На лужайке собрать мужиков,
Разгадать им лесную загадку,
Рассказать про весну городов.

Растворить медно-литые створы,
Где на яри — мужичья судьба...
Я хотел бы как синее море
Расплескаться волной без конца.

Зашушукала осина под окошком,
Наклонилась рябина на крыльцо,
На крыльце, замурясь, дремлет кошка,
А в окошко видно деви́чье лицо.

Солнце плавает по синему простору,
Золотая пыль рябит в глазах, смеясь;
Кошка слушает осиную мову,
Кошка жмурится на воробьиный пляс.

Поднялась в окошке деви́чья головка,
Солнце заиграло в золотой косе;
Заиграла пчелка у головки кошки,—
И крыльцо и кошка в золотом венце.

Засмеюсь серебром по ребячьи,
Наряжусь в золотой казинет,
В поле выеду с поездом брачным,
Буду ласточкам песенки петь.

Буду спать на ковре из фиалок,
Пить росу из живых лепестков,
Закружусь в хороводе русалок,
Побратаюсь с семьей лешаков.

Где с рекою целуется ива,
Где дымится колдуний таган,
Там заря молодца полюбила,—
Рожью хвалится солнечный чан.

И бегут с тучей-бурею рядом
Песни-думы на свадьбу мою,
Бьются оземь рубиновым градом
И встречают невесту зарю.

Кто тут плачет сухими слезами?
Кто с слезами идет от венца?
Надо в плясе греметь бубенцами,
Хохотать, хохотать без конца.

Надо шалью махнуть на заречье.
С колдуном покумиться впорядь,
И взмахнуть на могучие плечи
Вместе с песнями солнечный град.

Полюбить безо всякой утайки
Все нутро заревое земли,
Самобранку на бабью лужайку,
Как жнивье под косой, постелить.

И смеяться зазывно всем миром,
Хохотать, хохотать без конца...
Надо верить, что все полюбили,—
Все сегодня пришли от венца.

Тучи мешаются с дымом
Заводских красных труб,
Сокол кружит над овином
С песней солнечных губ.

Всю землю новые тропы
Режут с конца в конец,
Дождик золотые копы
Бросает в щели сердец.

И родятся в тучах нови
Песен и весенних дней,
Идут за одного трое—
Земля в костре Октябрей.

КОЛЛЕКТИВ.

Наша сила в труде и борьбе,
Звоны молота—яблонный сад.
Пусть в дворцах и в мужичьей избе
Зацветет кумачевый наряд.

Бросят в небо опаловый дым,
Неба вешнего в синюю мазь,
Башни фабрик, и песни машин
Будут золото алое прясть.

Пусть в дыму почернеет овин,
Звонкой музыкой вспляшут цепи;
В нашем мире творец не Один,
А живет одно вечное — Мы.

Трудовой мировой коллектив
На черте обновленных судеб,
Фабрик-башен, заводов и нив
Созидающий право и хлеб.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ГЕРМАНОВ:	
Живой костер	3
Издыхающий зверь	8
Красные кони	9
АРТАМОНОВ:	
В огне пожаров	11
Голубая мгла просветлела	18
Опустилась над землею	19
СУББОТИН:	
Перемет	21
Растянулись овсяные мари	22
Словно ширью-полем размечуся песней	23
Я хотел бы стоять при дороге	24
Зашушукала осина под окошком	25
Засмеюсь серебром по ребячьи	26
Кто тут плачет сухими слезами	27
Тучи мешаются с дымом	28
Коллектив	29